

УДК 165.0:165.61

Значение гносеологических идей Я.С. Друскина для русской экзистенциальной культуры

Слобожанин Алексей Вячеславович

Кандидат философских наук, доцент,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
300026, Российская Федерация, Тула, пр. Ленина, 125;
e-mail: Tiaen@rambler.ru

Аннотация

В статье проводится обзор гносеологических идей Я.С. Друскина, показывается их связь с русской экзистенциальной культурой, определяется религиозный характер познавательной стратегии философа. Устанавливаются антропологические основания трагичности познания, реконструируется концепция «рефлексов» греховности: рефлексии, логики, гипостозирования. Приводится схематическое описание возможности «видения невидения». Автор приходит к выводу, что вклад Друскина в развитие экзистенциальной гносеологии весьма существенен. Его представления о проблемах познания принадлежат к русской экзистенциальной культуре, от философии Н.А. Бердяева мыслитель берет религиозный накал и убежденность в тотальной заинтересованности Бога человеком, его этика и гносеология столь же человекоцентричны и богоцентричны. Друскин использует и по-своему видоизменяет положение Л.И. Шестова о противопоставлении знания Афин и веры Иерусалима, о безграничной свободе человека в познании. Философское учение, а, следовательно, и гносеология Друскина религиозна, но неконфессиональна в смысле отсутствия отсылок к богослужебным практикам и таинствам в процессе бого- и самопознания.

Для цитирования в научных исследованиях

Слобожанин А.В. Значение гносеологических идей Я.С. Друскина для русской экзистенциальной культуры // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 181-188.

Ключевые слова

Экзистенциальная культура, экзистенциальная гносеология, русский экзистенциализм, Я.С. Друскин, гносеологические проблемы.

Введение

Экзистенциализм в России в эксплицитной философской форме выражен в творческом наследии лишь двух признанных философов – Л. Шестова и Н. Бердяева. Но вместе с тем прилагательное «экзистенциальный» часто употребляется по отношению к творчеству Л. Толстого и Ф. Достоевского, эзотерическим трактатам Е. Головина и Ю. Мамлеева, психологической системе Л. Рубинштейна. Именно поэтому мы считаем возможным говорить о сформированности в России особой экзистенциальной культуры, интегрирующей в себя достижения гуманитарных наук, богословия, философии и литературного творчества. Она основана на ценностях свободы, творчества, пограничных состояний и существует в форме литературных и философских произведений, театральных и кинематографических практик. Особенно тесна связь экзистенциальной философии с литературным творчеством. Русские экзистенциалисты не создавали литературных произведений, хотя все их философские работы носят подчеркнуто эмоциональный, а местами и экзальтированный характер. Например, философская автобиография Н.А. Бердяева «Самопознание» не могла бы носить отвлеченно-теоретического характера ввиду своего жанра.

Весьма характерна «литературность» и для рассматриваемого нами философа. Я.С. Друскин в начале своего наиболее систематического трактата пишет: «Недавно я выходил из какого-то помещения. Подходя к двери, я поднял голову, чтобы не натолкнуться на что-либо, и вдруг увидел перед собою худого старика, чем-то знакомого, но очень чужого. Он шел прямо на меня и смотрел как бы сквозь меня. Мне стало страшно, и почти сразу же я понял: это я – рядом с дверью было зеркало. Мне стало еще страшнее, и, отвернувшись, я быстро вышел» [Друскин, www].

Использование художественных образов, как мы увидим ниже, подталкивает к пониманию читателем гносеологических категорий как воплощения трагичности человеческого существования (оно, разумеется, рассматривается Друскиным и далеко за пределами гносеологии).

Значение гносеологических идей Друскина для русской экзистенциальной культуры

Основная цель настоящей работы – реконструкция гносеологического учения мыслителя в контексте продолжения русской экзистенциальной культуры в философском выражении.

В целом работы Друскина по своему типу довольно разнообразны. Сущностно мы можем выделить произведения двух основных видов: историко-описательные и дневниковые работы («Чинари», «Дневники»); произведения преимущественно философского характера. Проблемы познания исследуются мыслителем в связи с онтологическими (единства лич-

ности, тождественного и нетождественного в бытии) и нравственными (свободы, свободы воли как основы зла, греха и т. д.) вопросами. Окончательным смыслом познания является обретение свободы и через нее единение с Богом, в соответствии с евангельскими словами «Познайте Истину и Истина сделает вас свободными». Анализ «Видения невидимого» показывает, что не столько человек сможет познать истину, сколько Бог постигнет человека. Эта идея в корне чужда как новоевропейской парадигме противоположности гносеологически-деятельного субъекта и отчужденного от него объекта, так и пассивно-выжидательному характеру познанию греческой философии. По мнению Друскина, в настоящем познании активен ни субъект и ни объект, а лишь Бог, снимающий противоположности того и другого.

В христианской теологии устоявшимся является представление о дьяволе как отце лжи [Друскин, www]. Друскин пытается обосновать эту идею через онтологическую специфику дьявола как анти-христа: не имеющего лица, но имеющего единую природу и волю ко злу. Лишенный личности (он есть множество несвязанных личин), он есть «лживая личина и у него одно желание, одна воля – порвать с Богом, с Сущим, то он не есть в прямом смысле слова. Зло и злая интенция всегда личные, но субъект его в зле теряет лицо – тогда он лживая личина» [там же]. Сущностной, онтологической причиной этого является его неопределенный бытийственный статус, который мы можем назвать недостаточно существующим. В результате грехопадения лживость становится и свойством человека, но не в полной мере. Друскин пишет, что «в каждом из нас она есть, но есть преимущественный ноуменальный носитель лживой личины, кроме нее ничего и не имеющий, – дьявол» [там же]. Конкретно это выражается в направленности ко злу, которая для человека всегда личностна, но ведет к разрушению и уничтожению личности. Это нравственный детерминант искажения познания. Соответственно, чем больше человек приобретает свойств дьявола – тем больше его познание ведет не к истине, а к лжи. Этот путь может быть назван путем антисоборного познания, в котором есть нетождественность тождественного. Эта нетождественность уже обнаруживается в рефлексивном самопознании человека. «Я сам как объективирование себя самого – теоретический рефлекс моей греховности» [там же].

Друскин указывает: «Двумя важнейшими психологическими проявлениями этого можно считать следующие феномены: кажущегося наличия Другого в процессе внутреннего познания, самоуглубления (И это не плохо, а хорошо, что я один в пустой комнате, потому что когда я один, я не один). Кажущегося разъединения с миром, с другими людьми (Вот я вместе с моим ближним, <...> между им и мною стена – ничто)» [там же].

Собственно гносеологической причиной искажения человеческого познания является рефлексия. В процессе рефлексии человек рассматривает себя как объект, противопоставляет «Я» познающее «Я» познаваемому. Данная позиция получает у мыслителя название «Я сам». Рефлексия рождает знание в обыденном смысле, о котором мы читаем, например, в «Критике чистого разума» И. Канта как о единстве объективного и субъективного

[Кант, 1994]. Но для экзистенциальной культуры данная дефиниция знания указывает на его чуждость личности, расщепленность, объективированность. Это весьма показательно продемонстрировано в рассуждении мыслителя об отличиях дорефлексивного «Я» и расщепленного рефлексией «Я сам». Вместе с тем Друскин иногда понимает знание и весьма широко, включая в него и результаты внесубъект-объектного познания. Так, например, им выделено три вида знания: богопознание, ложно-надмевающее и любовно-назидающее. Впрочем, применительно к первому и последнему он чаще употребляет другое наименование («видение», о нем см. ниже).

Единственным способом преодоления греховной ориентации сознания на знание, влекущее к распаду, может служить вера. Друскин пишет: «...она разделяется на виды и степени веры, хотя на самом деле нет ни видов, ни степеней веры, она есть или ее нет, третьего не может быть. Она одна и неделима в том смысле, что вера есть вера» [цит. по: Хармс, Эпистемологический статус, www]. Математическим обоснованием данного понимания веры может служить бесконечное множество – множество, равное своей части. Антидьявольское тождество нетождественного раскрывается в бесконечности веры.

Именно вера обладает синтетической силой. В рассуждениях о вере, противопоставленной знанию, превосходящей знание закладывается принципиально религиозное понимание гносеологических процессов (религиозный характер категории «видение» нам показан выше). Вера свободна от обязательной объективности, и этим она выше обычного знания. Само стремление к Богу должно реализоваться в вере, в желании открытости для Бога, познания «не каков Бог сам по себе, а каковы мы для Бога». Разумеется, ряд аспектов Бога дан человеку и в объективном мире (в своей высшей форме – в Законе), но познание, явление Бога-Слова или открытие Бога внутри себя («сокровенного сердца человека») невозможно без наличия религиозной веры. Так как Друскин склоняется к апофатической концепции теогнозии, религиозная вера в ее дорефлексивном аспекте приобретает для мыслителя особую важность. Кроме того, вера выступает первичным моментом богопознания, так как убирает бессмысленную попытку человеческого сознания обрести познание Бога собственными силами. Именно верой человек видит свое невидение Бога (ср. у Николая Кузанского «Непостижимое постигается постижением собственной непостижимости»).

Логическими основаниями неправильного познания выступают исключаящие законы аристотелевской логики, прежде всего закон противоречия и закон исключенного третьего, фундаментальные законы аристотелевской логики. Законы логики приводят лишь к иллюзорному восприятию гармоничности мироустройства после грехопадения. Друскин говорит: «В теоретическом стремлении к полной, непротиворечивой системе проявляется мое практическое стремление: скрыть от себя самого свою неполноту, недостаточность и противоречивость, тяжесть и боль бытия. Полной, непротиворечивой системой я закрываюсь от себя самого» [Друскин, www].

Очень важным с точки зрения продолжения традиции экзистенциальной культуры, по нашему мнению, служит негативное отношение к свободе выбора человеком добра или зла (ср. с «Чертовым добром и злом» Достоевского в интерпретации Н. Бердяева). Выбор между добром и злом является исключительным. Это практический «рефлекс греховности».

Третий рефлекс греховности носит еще более подчеркнутый гносеологический характер. Это гипостазирование. В качестве примера Друскин рассматривает искаженную нравственную оценку поступков («хорошее делаю плохим, добро – злом» [там же]). С более общей точки зрения гипостазирование может выражаться двояко: абстракция как реальность или реальность как абстракция. Таким образом, гносеологические свойства занимают важнейшее место в трехчленной структуре греховности человека. Лживость является чисто гносеологической характеристикой, «Я сам» – в большей степени антропологической (онтологический аспект здесь тоже, безусловно, важен) и свобода выбора как нравственно-гносеологическая причина.

Важное место в философских работах Друскина занимает категория «видения». Ей посвящена большая часть работы «Видение невидения» [там же]. Уже в самом названии книги содержится взаимосвязь этих процессов. В самом тексте она раскрывается фразой «Я вижу свое невидение в видении Богом». К сожалению, мы не найдем определения этой категории, более того, оказывается весьма трудным различение видения и понимания. Нам остается лишь указать на такие атрибуты видения, как непосредственность, мгновенность, дорефлексивность, истинность. Последняя черта требует пояснения. Понятие истины у Друскина непременно связано с самопознанием Бога. Человеку она дается лишь как дар откровения.

Основной проблемой, закрывающей греховного человека от истинного видения, выступает неправильное соотношение видения и невидения в гносеологической стратегии повседневности. Только увидев свое и чужое невидение, можно прозреть. Человек часто знает о чужом невидении, но не видит его. Потому, что видение чужого невозможно, для видения все оказывается своим. Видение всегда эмпатическое (см. рассуждения о гипотетическом друге фарисея). А знание даже о себе является неистинным, поскольку здесь человек становится чужим для самого себя. Он раздваивается на субъект и объект, что лишено онтологических оснований. Друскин пытается описать схему верного видения примерно следующим образом (в работе она дана не как теоретическая схема, а как рассуждение по поводу описания избавления Христом блудницы от побития камнями).

Схематично это можно представить так: человек (блудница) не видит своего невидения; Христос видит невидение человека; человек видит видение Христом его невидения; человек видит свое невидение.

Заключение

Мы отмечаем выраженную христоцентричность должной, согласно Друскину, познавательной стратегии человека. В ситуации повседневности христианин должен опознать голос

Христа внутри себя. Но это составляет очередную не столько гносеологическую, сколько мистико-антропологическую проблему, которую Друскин решить не в силах. Подводя итог, отметим, что вклад Друскина в развитие экзистенциальной гносеологии весьма существен. Его представления о проблемах познания, безусловно, принадлежат к русской экзистенциальной культуре. От философии Н.А. Бердяева мыслитель берет религиозный накал и убежденность в тотальной заинтересованности Бога человеком, его этика и гносеология столь же человекоцентрична и богоцентрична. Друскин использует и по-своему видоизменяет положение Л.И. Шестова о противопоставлении знания Афин и веры Иерусалима, о безграничной свободе человека в познании (видении). Философское учение, следовательно, и гносеология Друскина религиозна, но неконфессиональна (что опять же характерно для русской экзистенциальной культуры) в смысле отсутствия отсылок к богослужебным практикам и таинствам в процессе бого- и самопознания.

Библиография

1. Азарова Н. М. Две странички Я. Друскина о хлебниковских «Медведях». URL: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=two_pages
2. Авдеенкова Е. Н. Феноменологическое измерение философии Я.С. Друскина. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/histph/yearbook/2011/hphy-2011_avdeenkov.pdf
3. Дроздов К. В. Поэтическая философия чинарей: А. Введенский, Д. Хармс, Я. Друскин, Л. Липавский, Н. Олейников: дис. ... канд. культурологии. URL: <http://www.dissercat.com/content/poeticheskaya-filosofiya-chinarei-vvedenskii-d-kharms-ya-druskin-l-lipavskii-n-oleinikov>
4. Друскин Я.С. Видение невидения. М.:Кедр, 1995. 177 с.
5. Друскин Я.С. Лестница Иакова: Эссе, трактаты, письма. Яков Друскин // Литературно-художественный проект «Золотые имена бронзового века». URL: <http://folioverso.ru/imena/imena.htm>
6. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Чоро, 1994. 4600 с.
7. Мейлах М. Яков Друскин: «Вестники и их разговоры». URL: <http://anthropology.rinet.ru/old/4/meylax.htm>
8. Слобожанин А.В. Гносеологические проблемы в экзистенциальной философии Я.С. Друскина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2015. № 4. С. 41-49.
9. Хармс Д. Эпистемологический статус терминов «это» и «то» в концепции Я.С. Друскина. URL: <http://www.d-harms.ru/library/realnost-pogranichnogo-suschestvovaniya-ya-v-mire-daniila-harmsa19.html>
10. Хармс Д. «Соседние миры» Я.С. Друскина. URL: <http://www.d-harms.ru/library/realnost-pogranichnogo-suschestvovaniya-ya-v-mire-daniila-harmsa19.html>

Meaning of Druskin's epistemological ideas for Russian existential culture

Aleksei V. Slobozhanin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
300026, 125 Lenina st., Tula, Russian Federation;
e-mail: Tiaen@rambler.ru

Abstract

The article provides an overview of Druskin's epistemological ideas. The author introduces the concept of existential culture, specifies its properties, describes main representatives of Russian existentialist culture and emphasizes the fact that Russian existential philosophy is literature-oriented. The article points out basic epistemological issues which of great interest for Druskin: the doctrine of the sinful nature of reflexive consciousness, removal of contradictions between the subject and the object of religious faith, theocentric of true knowledge. Moreover, the author examines the category of "vision", correlation of non-identical identity and identical non-identity in the perception of fallen man and angels. The article describes ethical and epistemological characteristics of these approaches, gives a schematic description of the possibility to see unseen, determines the religious character of philosopher's cognitive strategies and states the anthropological base of tragic knowledge. The author also reconstructs the concept of "reflexes" of sinfulness: reflection as self-splitting of a fallen man, logic as a way of attributing a false harmony of the fallen world, hypostatization as the epistemological human helplessness to distinguish the true being from the false one. The article demonstrates an organic link of Druskin's epistemological ideas with Russian existential culture. The philosophical doctrine, and therefore, Druskin's epistemology is religious, but undenominational as it lacks references to liturgical practices and sacraments while knowing God and getting self-knowledge.

For citation

Slobozhanin A.V. (2016) Znachenie gnoseologicheskikh idei Ya.S. Druskina dlya russkoi ekzistentsial'noi kul'tury [Meaning of Druskin's epistemological ideas for Russian existential culture]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 2, pp. 181-188.

Keywords

Existential culture, existential epistemology, Russian existentialism, Druskin, epistemological problems.

References

1. Avdeenkova E.N. *Fenomenologicheskoe izmerenie filosofii Ya.S. Druskina* [Phenomenological dimension of Druskin's philosophy]. Available at: http://iph.ras.ru/uplfile/histph/yearbook/2011/hphy-2011_avdeenkov.pdf [Accessed 23/04/16].
2. Azarova N.M. *Dve stranichki Ya. Druskina o khlebnikovskikh "Medvedyakh"* [Two pages of Druskin about Khlebnikov's "Bears"]. Available at: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=two_pages [Accessed 21/04/16].
3. Drozdov K.V. *Poeticheskaya filosofiya chinarei: A. Vvedenskii, D. Kharms, Ya. Druskin, L. Lipavskii, N. Oleinikov. Dokt. Diss. Abstract* [Poetic philosophy of Chinar: A. Vvedensky, D. Harms, J. Druskin, L. Lipavsky, N. Oleynikov. Doct. Diss. Abstract]. Available at: <http://www.dissercat.com/content/poeticheskaya-filosofiya-chinarei-vvedenskii-d-kharms-ya-druskin-l-lipavskii-n-oleinikov> [Accessed 21/04/16].
4. Druskin Ya.S. *Lestnitsa Iakova: Esse, traktaty, pis'ma. Yakov Druskin* [Jacob's ladder: essays, treatises and letters. Yakov Druskin]. *Literaturno-khudozhestvennyi proekt "Zolotyie imena bronzovogo veka"* [Literary project "Golden Bronze Age names"]. Available at: <http://folio-verso.ru/imena/imena.htm> [Accessed 18/04/16].
5. Druskin Ya.S. (1995) *Videnie nevideniya* [Vision of unseen]. Moscow: Kedr Publ.
6. Kant I. (1965) *Immanuel Kant: Gesammelte Werke: Andhofs große Literaturbibliothek*. Andhof. (Russ. ed.: Kant I. (1994) *Sobranie sochinenii v 8 tomakh*. Choro Publ.).
7. Kharms D. *Epistemologicheskii status terminov "eto" i "to" v kontseptsii Ya.S. Druskina* [Epistemological status of the terms "this" and "that" in Druskin's concept]. Available at: <http://www.d-harms.ru/library/realnost-pogranichnogo-suschestvovaniya-ya-v-mire-daniila-harmsa19.html> [Accessed 19/04/16].
8. Kharms D. "Sosednie miry" Ya.S. Druskina ["Nearby worlds" of Druskin]. Available at: <http://www.d-harms.ru/library/realnost-pogranichnogo-suschestvovaniya-ya-v-mire-daniila-harmsa19.html> [Accessed 20/04/16].
9. Meilakh M. *Yakov Druskin: "Vestniki i ikh razgovory"* [Jacob Druskin: "Heralds and their conversations"]. Available at: <http://anthropology.rinet.ru/old/4/meylax.htm> [Accessed 18/04/16].
10. Slobozhanin A.V. (2015) *Gnoseologicheskie problemy v ekzistentsial'noi filosofii Ya.S. Druskina* [Epistemological problems of Druskin's existential philosophy]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo* [Humanitarian statements of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University], 4, pp. 41-49.